

ПОБЕГ

Когда мы зашли в кош, то там вместе с нашими родственниками сидел незнакомый молодой человек. Он оказался студентом, который учился в го-роде. После того как поужинали, мы втроем — Сагид, студент и я — легли спать под открытым небом, на котором сияло множество звезд. Лежали мы на свежем сене, от которого шел очень приятный запах. Студент рассказы-вал, как он и его товарищи учатся в городе, изучают русский язык, что их одевают в красивую форму, им показывают кино, спектакли. Нам с Сагидом очень понравился рассказ нашего гостя, мы завидовали ему и его товарищам. «Вот бы нам тоже так учиться в городе», — думали мы и с этой мыслью усну-ли под звездным небом. Утром студент пошел своей дорогой, а мы с Сагидом решили бежать в город, ничего не сказав об этом своим родственникам. Я пас овец, а Сагид — баранов. Их подпускать друг к другу в это время года нель-зя, но мы сделали это. Бросили стадо. Я взял своего белого ослика, и после полудня мы направились в ту сторону, где считали — находится город. Мы помнили, что наши взрослые родственники в том направлении гнали скот продавать на базар. Пока мы поднимались на высокую зеленую гору — пере-вал, который называли Бийикле и который являлся границей Хуламских и Чегемских пастбищ, стало темно. Мы не знали, куда идти. Оставаться на мес-те до утра — боялись волков. К нашей беде на гору Бийикле и его склоны лег туман. Я боялся за моего ослика не меньше, чем за себя. После некоторых раздумий мы все же стали спускаться вниз по склону. Сначала не было слышно ни звука, стояла полная тишина. Мы были почти в отчаянии, хотя и продолжали идти. Я крепко держал ослика за шею. Через некоторое время, к нашей радости, мы услышали снизу отдаленный собачий лай. Это уже давало надежду, что мы идем правильно, направляясь к какому-то человеческому жилью. Вскоре сквозь туман пробился свет костра. Мы пошли к нему, а когда приблизились к костру, две огромные собаки с лаем побежали в нашу сторону. Это было страшно. В ту минуту я вспомнил, что, когда мы с мамой ходили в чужой аул и на нас набрасывались собаки, она сразу вместе со мной садилась на землю и собаки переставали бросаться на нас. Я сказал об этом Сагиду, и мы сели на траву. В это время раздался голос:

— Эй-эй, кто там?

— Это мы, мальчики из Заскаля, чегемцы. Тогда человек крикнул на собак: «Ир», отогнал их и подошел к нам.

— Салам алейкум! — попытались приветствовать мы незнакомца, под-нимаясь с земли.

— Алейкум салам, молодцы, запоздалые гости. Пошли, пошли в кош.

Это был молодой человек, он повел нас за собой. Когда мы вошли в кош, там сидело несколько человек во главе с приятным пожилым мужчиной с подстриженной бородкой с проседью.

— Откуда вы в такую позднюю пору? — спросил он.— Чьи вы?

— Мы идем сейчас из Заскаля, аул наш называется Чегем.

— И куда вы держите путь?

— В город.

— Учиться.

— Чему?

— Русскому языку.

— Вот оно что. А у вас есть у кого остановиться?

— Есть,— ответил Сагид.

— А кто у вас есть там в городе?

— Дядя мой, старший брат отца.

— А как его зовут?

— Хаджи-Мурза.

— Хаджи-Мурза? Не Акаев ли?

— Он самый.

— Так ты его племянник, сын Харуна?

— Да.

— Теперь понятно. Вы не пропадете в городе, если сумеете добраться туда. Ребята, должно быть, голодные, накормите их,— распорядился пожилой человек.

Нам дали поесть. Мы ели жадно, с удовольствием.

— Хаджи-Мурза не простой человек, а герой. Мы с ним в Гражданскую войну были вместе. Делили опасности, трудности войны и последний кусок хлеба. И теперь, когда я бываю в городе, каждый раз останавливаюсь у него. Он известный теперь начальник. А своих простых друзей, каким являюсь я, не забывает. Э-э, друзья, Хаджи-Мурза был такой человек, что наш народ о нем слагал песни. Его храбрости не было предела. Беляки боялись его, как смерти. Я мог бы рассказать вам о нем очень много историй. О его смелости и бесстрашии, но расскажу только одну...

Я готов был с удовольствием слушать историю о подвигах нашего земляка, но меня все время тревожила одна мысль, пока я слушал старика, где будет ночевать мой любимый ослик. Я боялся, что ночью его растерзают волки.

— У вас ослы есть? — спросил я молодого человека, который нас встретил и привел в кош.

— А как же. Даже шесть штук есть.

— А где они ночуют?

— В загоне, рядом.

— А волки к ним не доберутся?

— Откуда?! Ты же сам видел наших волкодавов. Разве они подпустят волков до осликов?

— А я могу загнать своего ослика к вашим?

— Конечно. Я сейчас это сделаю.

— А мне можно пойти с тобой?

— Если хочешь, пошли.

Мне все же хотелось увидеть своими глазами, что ослик мой будет в безопасности, и я пошел вместе с молодым человеком. Мы загнали моего ослика в загон. После этого я мог уже спать спокойно.

— Так вот, молодые люди, послушайте мой рассказ об одном из отважных поступков Хаджи-Мурзы. Это было в дни Гражданской войны в Чечне. Белые засели в очень важном для нас населенном пункте. Мы долго не могли выбить их оттуда. И вдруг на рассвете Хаджи-Мурза, который был командиром нашего отряда, взял красный флаг, вскочил на своего белого жеребца и, скомандовав: «За мной! Вперед!», — пустился вскачь с развевающимся красным флагом. Мы все ринулись на опорный пункт беляков, смяли их, полусонных, и отбили у них селение. Да, друзья мои, Хаджи-Мурза из тех

редких людей, которые не боятся смерти. Передайте, когда придете в город, большой привет Хаджи-Мурзе от его старого друга Байтугана.

— Хорошо, Байтуган, мы это сделаем,— сказал Сагид, которому, я видел, очень хотелось спать, да и меня тоже одолевал сон.

Мы вскоре уснули. Утром, проснувшись, я сразу побежал посмотреть, жив ли мой ослик. Он, мой беленький, любименький, с хозяйскими осликами щипал траву возле коша. От радости, что он цел, я взял и поцеловал его в морду. Наши хозяева — хуламцы накормили нас, напоили айраном.

Байтуган сказал:

— Если бы вы не шли к моему другу Хаджи-Мурзе, я бы отправил вас обратно в Заскалье, дав вам в сопровождение своего сына Халита, который вчера встретил вас вечером и привел сюда. Но раз вы будете у Хаджи-Мурзы, то не пропадете, он и учиться вам поможет. Продолжайте свой путь прямо вдоль реки по дороге. Вам придется еще два раза ночевать в пути. Будете проходить через большой лес Баллад, несколько раз переходить реку в некоторых местах вброд. Будьте осторожны. С кем бы ни встретились в дороге, всем говорите, что вы идете к Хаджи-Мурзе Акаеву. Его в Балкарии знают все. Это имя поможет вам.

Поблагодарив за гостеприимство хуламцев, мы пошли вниз по берегу реки. Ослика своего я вел на поводу. Когда уставали, мы с Сагидом садились на ослика по очереди. Хуламцы дали нам мясо и хлеб в дорогу. Почувствовав голод, мы сели у прозрачного родника, поели, напились воды, отдохнули и снова продолжали путь. По дороге мы не раз видели пастухов и чабанов, но в тот день не останавливались, решив до вечера продолжать путь, а при наступлении темноты остановиться на ночевку у скотоводов. Мы шли по летним хуламским пастбищам. Селений в этих местах не было. Так мы шли и ехали по очереди на моем белом ослике целый день. В сумерках мы пришли к какому-то хуламскому кошу. Здесь также стали расспрашивать нас: кто мы, откуда, куда держим путь. Мы рассказывали все так же, как в первую ночь, не забыли напутствие старика Байтугана и сказали, что мы родственники Хаджи-Мурзы Акаева. Нас накормили, дали переночевать в коше. Утром, наевшись, мы снова отправились в путь и вскоре оказались в лесу Баллад. Нам было сказано, что если мы будем хорошо идти, то к вечеру, дотемна, выйдем из леса и придем к аулу Ак-Су, который находится прямо у выхода из леса и недалеко от города. Вступив в лес, мы увидели громадные чинаровые деревья и заросли орешника, под которыми коричневым ковром лежали лесные орехи. Такого количества орехов мы не видели никогда. На радостях собирали их в свои войлочные шляпы и, выйдя к полянке, пустив ослика пастись, садились у камня и грызли орехи. Так делали мы неоднократно, забыв о предупреждении пастухов о том, что из лесу успеем выйти дотемна, если будем идти не задерживаясь. В лесу несколько раз приходилось переходить речку вброд то в одну, то в другую сторону. Так мы продолжали свой путь, и темнота настигла нас в лесу. Я опять стал бояться не только за себя, но и за моего ослика. Мы увидели маленькую пещеру над речкой, там было много сухих дров и сена. Решились на ночь расположиться там. Вдруг до нас донесся волчий вой. Выл не один волк, а двое или трое. Мы прислушались. Я крепко держал ослика за шею. Вой приближался.

— Давай залезем на большую чинару,— предложил Сагид.

— А мой ослик? — сказал я.

— Чего ты думаешь об ослике, когда тебе самому грозит смерть?!

— Нет, я его не оставлю на съедение волкам.

— Тогда как хочешь, а я не хочу стать пищей для хищных зверей.

— Ты же мой спутник, не покидай меня.

— Нет, не могу.— И Сагид проворно полез на дерево, поднялся высоко и уселся на большой ветке.

Волчий вой раздавался совсем близко. Тогда я вспомнил: сказочник Горда говорил, что волки на огонь не идут, боятся огня. Я вынул из кармана штанишек кресало и трут, высек огонь, поджег сено, бросил туда мелкие, сухие дрова, сразу получился большой костер, который осветил скалу и деревья. Сагид продолжал сидеть на дереве. Волки не подошли к пещере, я не переставал подкидывать дрова в костер, который разгорался все больше и больше. Так и провели ночь до утра мы с осликом в пещере, а Сагид на дереве. С этой ночи я его уже не считал другом. В ту ночь, надеясь, что я и мой ослик будем спасены, я вспомнил все те трудные положения, в которые я попадал, и все же судьба спасала меня. А их было немало. Да и теперь, когда я стал почти стариком, с удивлением думаю о них. В детстве у меня был любимый друг Гычы. Когда мне было лет семь, ему, наверно, перевалило за тридцать. Это был веселый человек, любитель рассказывать, петь. На зимовке мы жили по соседству. Он меня забавлял и баловал. Однажды взрослые родственники, сидевшие в коше, послали меня за овцами, которые паслись на крутом склоне, над глубокой пропастью. Я должен был пригнать отару к кошу. Снег был талый, я поскользнулся и полетел вниз. Пролетев метра полтора, я зацепился за дерево и обнял его. Конечно, долго так держаться я не мог и полетел бы вниз в пропасть, дна которой не было видно. Я был в ужасе и вдруг с другой стороны пропасти услышал голос моего дорогого Гычы:

— Эй-хей! Батраевы, есть кто-нибудь у вас в коше? Мальчик Ако висит над пропастью, бегите, захватив веревки с собой. Бегите скорей, бегите, иначе он погибнет! Пока я обегу верхнюю часть пропасти, поздно будет, а от вас близко!

Вскоре прибежали мои родственники и подняли меня наверх. Так я был спасен благодаря моему любимому, доброму Гычы.

Часто бывало так, что взрослые родственники, оставив меня в коше, на всю ночь уходили в селение на свадьбу, и я, маленький мальчик, оставался один, не жалуясь на страх, на опасность. Однажды зимой старшие ушли в аул. Снова я остался один. Я разжег хороший огонь в очаге, сидел и пел песни, какие знал. Вдруг начали выть волки, собаки, коровы ревели, овцы блеяли, все предметы в коше начали шататься. Так впервые в моей жизни я стал свидетелем землетрясения. Оно длилось, конечно, недолго. Я не заплакал, не пришел в отчаяние, продолжал подкладывать в огонь дрова и петь песни. На этот раз, не дожидаясь утра, мои родственники примчались быстро, боясь, не приключилось ли со мной несчастье, и были немало удивлены, увидев, что я сижу у очага и пою песни.

А вот еще более страшный случай, когда судьбе было угодно спасти меня. Я снова оставался в коше один. В хлеву находились коровы, а рядом с входом в кош была привязана лошадь. Когда я проснулся на рассвете, лошади на месте не было, а одна из коров, с лысиной на лбу, стояла с пеной у рта и красными глазами. Я был удивлен, что исчезла лошадь, решил, что ее украли, а почему у коровы пена изо рта и красные безумные глаза, не мог понять. Все же, не дожидаясь возвращения старших из аула, я пошел искать лошадь туда, где она обычно паслась за кошем. Там я нашел ее, поймал и заметил на ее морде царапину. Я привел лошадь домой. К этому времени приехали мои

взрослые. Они увидели волчьи следы у привязи и сказали, что лошадь долго отбивалась копытами и, порвав ременную веревку, ушла. В это время один из наших соседей, известный охотник, возвращался, убив волка. Он на рассвете заметил его, уходящего от нашего коша, и стал преследовать. Пройдя пол-версты, убил волка, но не стал сдирать шкуру, потому что, будучи знатоком, понял по разным признакам, что хищник был бешеный. К вечеру наша корова с лысиной на лбу и лошадь пали. Вот тут-то и стали сокрушаться мои родственники, что оставили меня одного в ту ночь, когда к нам приходил бешеный волк. Они ни во что не ставили гибель прекрасного скакуна и коровы, раз я остался невредимым.

В другой раз мы с матерью ехали на базар. Оба сидели на воловьей ар-бе. Волы наши были очень пряткие, и, несмотря на то, что арба была сильно нагружена мешками с картофелем, они бежали слишком быстро. В одном нужном нам месте я хотел остановить их и, пытаясь слезть с арбы, упал впе-ред между волами. Моя мама запричитала, потому что я остался между ко-лес, но, посмотрев назад, увидела, что я стою живой и здоровый. Колеса про-шли, не задев меня. А ведь тяжелая арба так легко могла раздавить меня. Той ночью в лесу Баллад в маленькой пещере, обнимая за шею своего ослика, я вспомнил все эти испытания, надеясь, что и на этот раз судьба спасет меня и ослика от голодных волков. Так и случилось. Все сено и все дрова я сжег до утра. Волки ушли несолоно хлебавши. Я и мой ослик были живы.

Пришло утро. И какое счастливое было оно для меня! Уцелели я и ос-лик. Когда совсем рассвело и волки исчезли, с дерева слез и Сагид. Я с ним не разговаривал. Я тогда своим детским умом понял, что такой человек не может быть другом. А меня с малых лет учили моя мама, сказочник Горда и другие родственники, чтобы я никогда не покидал друга, испугавшись, что мне будет плохо, чтобы я никогда не оставлял товарища без помощи, если он будет нуждаться в ней, а Сагид в трудный мой час покинул меня, спасая себя. Моя мама всегда жалела о том, что я, как сирота, слишком много трудился в детстве, проходил через большие трудности, часто чуть не погибал. Но я и теперь считаю, что не стоило жалеть об этом. Это закалило меня и очень пригодилось в жизни. Жизнь ведь легкой никогда не бывает.

Мы еще до полудня добрались до аула. Это было первое селение, кото-рое мы увидели в течение трех дней дороги. Оно показалось мне красивым. Дома стояли среди зелени на склонах и полянках, над быстрой речкой. Я был очень голоден, как, наверное, и мой спутник, единственным сытым из нас был мой ослик. Я ему все время давал возможность щипать траву. Я радовал-ся, что мой ослик цел и сыт. Я с утра на него и не садился. Ослика я вел на поводу. Я всматривался в дома, которые были получше, в надежде, что кто-нибудь заговорит с нами, пригласит к себе и накормит. У ворот двухэтажного побеленного домика стоял молодой человек. Поровнявшись с ним, я сказал:

— Салам алейкум!

— Алейкум салам, джигит,— ответил парень.— Какой красивый ослик у тебя. Где взял такого беленького? Такие редко встречаются.

— Дядя мой, сказочник Горда, подарил. Ты про сказочника Горду разве не слыхал?

— Нет, парень, к сожалению, нет.

Меня очень огорчило, что он не знает моего любимого Горду.

— Как же это так? В Чегеме его все знают.

— А-а, вы чегемцы?

